

«Грегерии». Предисловие к изданию 1960 года (отрывки)

Я пишу грегерии с 1910 года — вот уже пятьдесят лет. Все началось в тот день, когда в приступе скептицизма и переутомления я схватил одну за другой все склянки своей творческой лаборатории и смешал их содержимое. Что-то выпало в осадок, что-то очистилось и совершенно растворилось, и родилась грегерия. С тех пор я вижу в ней цветок, венец всего живого, всего, что остается, что в конце концов берет верх над неверием. Грегерию преследовали и презирали, и это заставляло меня плакать и хохотать одновременно — мне было и горько, и смешно. Когда мои находки были впервые опубликованы в газетах, многие читатели отменили подписку. «Нужно поменять название», — сказал редактор, но я категорически отказался.

Концентрированные, многозначительные вещи должны исчезнуть. Например, афоризм — твердый, как камень, как застарелая обида на саму жизнь.

Встреча с грегерией принесла мне удачу.

Благодаря «Грегериям» я жил, читал лекции, путешествовал. Они стали моим универсальным паролем.

На самом деле я сочиняю грегерии с детства. Еще когда няня подходила к колыбельке, я выкрикивал их ей навстречу.

Это единственный жанр, где я не способен импровизировать. Грегерии возникают из того юного восприятия жизни, которое бывает у нас в отрочестве или в старости... Они должны быть медленными и естественными.словно многовековая капля времени падает мне на череп.

Роман можно придумать сходу. Грегерию — никогда.

Но откуда это название, «грегерии»?

Открыв жанр, я понял, что должен дать ему подходящее имя, найти такое слово, которое было бы не слишком привычным, но и не слишком глубокомысленным. Тогда я запустил руку в громадный лотерейный барабан слов и наудачу — а именно так даются названия самым лучшим открытиям — вытащил свой шар... Мне досталась «грегерия», в единственном числе. Но я посадил этот шарик, и разросся целый сад грегерий. Слово понравилось мне своим звучанием и тайной принадлежности к роду.

Грегерия, абракадабра, непонятный вскрик. (В старых словарях говорится, что так называется визг поросенка, спешащего за своей мамой).

Так кричит в растерянности живое существо еще до того, как в нем проснулось сознание. Так кричат вещи.

По крайней мере, нет сомнений в том, что я нарек свое изобретение именем, затерявшемся в словаре, ничего не обозначающим. И теперь, напечатанное в газете или сказанное в микрофон, это слово так или иначе напоминает обо мне, ведь это я изменил его смысл, сделал его тем, чем оно никогда не было.

Поскольку крещение происходило лично, и нам хватало одиночества и свободы, я с восторгом и удовлетворением, словно возвращающим молодость, вспоминаю тот июньский вечер, когда мне пришли в голову и жанр, и его

название.

Это случилось в квартире справа на первом этаже дома номер одиннадцать по улице Калье-де-ла-Пуебла города Мадрида.

День задыхался под мучительной тяжестью лета. Я бродил туда-сюда с отекившим лицом, то выбираясь на балкон, то возвращаясь внутрь, чтобы присесть.

Тогда еще был жив дон Хасинто Октавио Пикон, постоянный секретарь Королевской академии испанского языка. Дон Хасинто Октавио Пикон надоел мне до смерти.

Ножницы на столе, раскрытые, как клюв пеликана в жаркие дни, мешали ухватить идею. Я закрыл их.

Наконец, в свою очередную вылазку на балкон, ударившись об угол дивана, когда я снова шел искать что-то меж небом и землей, я и открыл «грегерию». Да... Я хотел сказать, я подумал тогда... вспоминая вид на Арно во Флоренции... перед домом, где я жил... подумал, что... берег напротив... Да, тот берег хотел бы оказаться на этом берегу... Вот оно, это желание, неслыханное, но реальное... Это внезапное смятение берегов, таких непоколебимых, что это было?.. Это... «грегерию»! Я вспомнил «то самое» слово, не зная точно, что оно означает, и полез в словарь в надежде узнать...

С того самого момента грегерию — вещь единственная в своем роде. Тому, что не есть грегерию, бесполезно пытаться ей стать, причем окружающие, разоблачив самозванку, непременно произнесут слово «грегерию». В этом ее феномен и загадка.

Грегерию

Книга — это птица, у которой больше сотни крыльев.

Розы — поэты, которые мечтали стать розами.

Занятие писателя: дайте мне смеяться и плакать в одиночестве.

Хайку — телеграммы в стихах.

Рояльный стул — штопор, которым открывают концерт.

Когда изобрели кино, облака, которые стояли на фотографиях, научились ходить.

Литаврист — оркестровый повар, а перед ним две кастрюли.

Виолончелисты постоянно секут свои виолончели.

Висящая скрипка похожа на жареную курицу.

Как играют на баяне: то расстегивая, то застегивая пуговицы на его штанах.

На педалях пианино музыкант греет ноги.